

*Аните Белоцерковской,
жене и другу, под управлени-
ем которой стало возможно
"Самоуправление".*

ВСТУПЛЕНИЕ

Много ужасов пришлось мне повидать за 44 года жизни в Советском Союзе. И было много книг и дискуссий о том, как этот ужас изжить. Но, кажется, впервые впрямую о самоуправлении во всем его значении и глубине я начал думать после одного относительно незначительного эпизода. (Я упоминал о нем в книге "Свобода, власть и собственность").

Много лет назад, не помню уже когда, ранней осенью я оказался в одной старинной русской деревне Чулково, расположенной на высоком берегу реки Москва, примерно в 45 километрах на восток от города Москвы по Рязанскому шоссе. В 1812 году в этой деревне остановилась армия Кутузова, отступившая из Москвы под натиском Наполеона. Упоминается она и у Толстого в "Войне и мире".

Мало, наверное, что изменилось в облике этой деревни с тех, как Библейские времена, далеких лет. Такие же стояли тесные, черные избы с крохотными палисадниками и ветхими сараями, в которых теперь только не было уже ни коров и ни какой другой живности. Улицы утопали в грязи. Ковыляли одетые в тряпье убогие старухи, да бегали босые в таком же тряпье дети.

Посреди деревни высилась мертвая, облупленная церковь с покосившимися, заржавленными крестами на куполах и с заброшенными могилами за церковной оградой. Кучи мусора и отбросов были навалены по откосам под самыми избами, на околице виднелись разваливающиеся амбары.

По всему было видно, если смотреть непривычными глазами, что люди здесь жили только сегодняшним днем и только самыми насущными интересами, без заботы о чем-то вне этого и о завтрашнем дне. Между прочим, когда

спрашиваешь в Советском Союзе у людей об их планах хоть на полгода вперед, мало кто не скажет: "А! Там видно будет. Надо еще дожить!"

Так и живут многие, "не приходя в сознание" и не замечая красоты "мира Божьего".

А красота в тех местах стояла необычайная, за душу хватала. С высоты, с горы, на которой была расположена деревня, открывался вид на широкую луговую пойму Москва-реки и на синие сосновые леса у горизонта.

Здесь начинались знаменитые, Есениным воспетые рязанские раздолья.

С высоты не было заметно, что луга внизу зачахли, что берегья реки голы и загажены нефтью, а леса вдаль вытоптаны, заставлены заводскими постройками, изрублены дорогами и засорены непременными свалками мусора. Я знал об этом, так как бывал в тех местах. Но и без этого знания было грустно и тоскливо на душе: от деревни шел дух доживаемой кое-как, заброшенной жизни, и, как и везде в русских деревнях и поселках, было непонятно — почему и зачем тут живут люди.

И вот идя по этой деревне, я вдруг увидел молодого мужчину, запрягавшего лошадь. У него было красивое умом лицо и удивительная, поразившая меня, сухая тоска в глазах. Не от горя какого-то, а от явно осточертевшей ему примитивной работы и жизни.

Неужели, — подумал я тогда, — этот человек с божественным чудом сознания брошен в мир лишь для того, чтобы запрягать эту лошадь и жить всю жизнь в этой убогой деревне, в этих придавленных избах, среди убогих старух?!

Мне кажется, что тогда меня коснулось главное: могут ли люди бесконечно оставаться на положении тягловых животных, осознавая в отличие от них жизнь и смерть, обладая величайшим творением природы — головой. разумом?

И я стал искать ответа на этот вопрос.

